

Иеромонах Сергей
(Ситиков)

ТАЙНА ЦАРСТВИЯ БОЖИЯ

*Из библиотеки старца
Иоанна Журавского*

Иеромонах Сергей Ситиков

**Тайна Царствия Божия,
или Забытый путь
истинного Богопознания**

«Сибирская Благовонница»

Ситиков И.

Тайна Царствия Божия, или Забытый путь истинного Богопознания
/ И. Ситиков — «Сибирская Благовонница»,

Книга «Тайна Царствия Божия» – вдохновенное песнопение благодарного сердца о великом даре Божиим – Иисусовой молитве. Собранный из святоотеческих высказываний об «умном делании» и подкрепленный большим опытом служения, рукопись этой книги была поистине выстрадана иеромонахом Сергием Ситиковым (1889–1951). Промыслом Божиим она оказалась у старца, отца Иоанна Журавского (1867–1964). В те годы, когда богословская литература была почти на вес золота, драгоценные строки этой книги служили людям, наставляя их в молитве, покаянии и побуждая неустанно искать Царствия Божия еще здесь, на земле – в своем сердце. Жизненный пример хранителя самой рукописи и великого делателя «умной молитвы» – отца Иоанна, долгие годы окормлявшего тюремную церковь и Свято-Фирсову богадельню в Риге, подвижника, молитвенного наставника, духовника многих духовников – явил истинные плоды Иисусовой молитвы. И несомненно, что рукопись книги «Тайна Царствия Божия» была в том его верным помощником. Да будет таковым она и для нас! По благословению митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира

© Ситиков И.

© Сибирская Благовонница

Содержание

Предисловие автора	5
Глава I	7
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	14
Глава V	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иеромонах Сергей (Ситиков) Тайна Царствия Божия, или Забытый путь истинного богопознания

Предисловие автора

Эта книга – плод моего почти сорокалетнего вслушивания в божественную симфонию словесных звучаний мыслей святых отцов Церкви Православной, бессмертных искателей «умной красоты». И конечно, это не академическое исследование и не богословский трактат о Боге и о путях к Нему. Нет, и еще раз – нет.

Это – священная поэзия, отзвук вдохновения, каким были объаты отцы. Это – песня сердца об «умном делании», о той дивной музыке Небес, прославляющей дивного Бога, какую душа услышала в этой бессмертной симфонии отцов – как основной лейтмотив всей православной аскезы, всех святоотеческих Писаний.

Диапазон моих голосовых возможностей невелик. Но я пропел искренне, как мог. И если кто пропоет лучше о том же и звучнее, я с любовью покорюсь ему, славословя дивного Бога в дивных святых Своих.

Раскрывая сокровенные мысли святых отцов об «умном делании», у меня не было намерения излагать этот предмет в виде системы. Далека я была от этого намерения.

Систематично этот предмет изложил в простейшей форме с бесподобной ясностью благословенный поэт «умного делания» – богомудрый епископ Игнатий Брянчанинов.

У него это учение, эта «наука из наук» и «искусство из искусств» изложено в системе – ясно, просто и доступно для всякого, желающего усвоить это делание.

У меня было иное намерение. Мной руководило скромное желание, сердечное желание: дать читающему не систему светлых мыслей отцов о дивном Боге, а пропеть о Нем песнь и дать прочувствовать сердцем бесконечно близкого и живого Бога. У меня было тайное желание этой песней возбудить в читающем сердечное, живое чувство к Богу – Спасителю нашему.

И этот маленький ручеек чувства сам собою превращается – при надлежащем умном уходе за ним – в реку живой, умной работы, в «умное делание». И тогда непрестанная молитва не является скучным механическим занятием, а дыханием жизни, ибо дышать этим воздухом непрестанной молитвы следует не потому, что так нужно, а потому, что нельзя им не дышать: он является органической необходимостью, духовным питанием. Такое делание молитвы вытекает из живого чувства к Живому Богу.

Сознать близость присутствия Божия на всяком месте и воспринять чувства в живом ощущении Его присутствия – это и есть тот спасительный момент, оживотворяющий душу, из которого вытекает потрясающее благоговение, страх и «умная молитва».

Для большего «согревания» моего намерения я прибегал к «горячим» мыслям только тех отцов, которые и сами были поэтами «умного делания», то есть жили молитвенным вдохновением. Ибо молитва действенная, живая есть Божественное вдохновение благодати, песня сердца к Богу. Поэтому вдохновенный пророк-певец и сказал: *пою Богу моему, дондеже есмь*.¹ А механическое занятие молитвой и есть один из путей, приводящих к этому вдохновению, к этой песне.

«Горячие мысли» «горячих» отцов согревали мое намерение подтолкнуть ближе к этому огню тех, кто около него остывает. И если не умом, то чувством воспринять от него согревание.

---

¹ Пс. 145, 2.

И если мне удалось хоть слегка возбудить в читающем это чувство, буду считать, что труд мой был не напрасен, в чьей-то душе родится радостная песнь «О Боге Спасе моем».

А это и будет началом вдохновения благодатного, началом молитвы внутренней, началом песни сердца к Богу. И тогда сердце вдохновенно воспет Этому дивному Богу, Великому и Живому, вечно живущему и бесконечно близкому к сиротливой душе человеческой, которую Он тепло согревает Своей потрясающей теплотой Божественной, – воспет Ему гимн словесовия вечного.

* * *

Эта книга написана не для всех, а только для избранных, она написана для моих духовных о Господе друзей, для искателей «умной красоты», для тех, кто с болезнующим сердцем прошел через всю жизнь с устремленным исканием «умной потери» – своей души.

Эта книга – духовный синтез моей жизни. Синтез, родившийся в процессе моего сложного религиозного опыта. А сам синтез есть квинтэссенция всей православной аскезы, очень сложной и туманной для мудрствующего разума и очень простой и ясной для верующего сердца.

Путь сердца и привел меня к этому спасительному синтезу: к внутреннему познанию «умной красоты» и к обретению пути, ведущего к ней.

Глава I

Тайны Царствия Божия – только верою прозревшим

*Вам дано знать тайны
Царствия Божия, а тем
внешним все бывает в притчах.*
(Мк. 4, 11)

Евангелие – внутренняя Божественная тайна, и воспринимается эта тайна внутренним, живым чувством сердца. Это живое, внутреннее чувство сердца и есть благодатная опытная вера. Без этого благодатного опытного восприятия Евангелие, в лучшем случае, – Божественная «притча», новая христианская мораль, – и то лишь до Гефсимании. Такое восприятие «внешнего» Евангелия бывает непрочным; до первого испытания кричат: «Осанна», а когда бывает потрясение внешней веры, внешнего поклонения, тогда кричат: «Распни, распни Его!» – или уходят в темную ночь.

Только внутреннее, сердечное восприятие раскрывает тайны Евангелия и привлекает сердце к нему неотторжимо.

«В меру жития бывает восприятие истины», – сказал великий наставник умного монашества преподобный Исаак Сирин.

В меру внутреннего очищения раскрывается Евангелие. Сердце очищается внутренним подвигом покаяния. Очищенным сердцем воспринимается Евангелие. Потому Господь и сказал Свое первое слово грешному и неверному миру: *покайтесь и веруйте в Евангелие.*²

Первая заповедь Нового Завета – покаяние. Без покаяния Евангелие, благодатная жизнь недостижимы. Только покаянием грешная душа входит в новую благодатную жизнь. Покаянием душа обретает благодатную веру: в труде очищения сердца оживают внутренние чувства, которыми душа и воспринимает внутреннюю духовную жизнь, воспринимает Евангелие. А это и есть благодатная вера.

Грех каменит сердце, мертвит, умерщвляет его нежные органы чувств, воспринимающих духовную, благодатную жизнь; потому *внешним*, пребывающим в грехе, тайны Царствия Божия не даны, они для них недоступны. Для *внешних* христианство дано во внешних притчах в вещественном, в видимом.

Но они видя – не видят его.
Слыша – не слышат и
Сердцем не разумеют.

Только на пути внутреннем, на пути очищенного сердца раскрываются его тайны. Путь внутренний есть путь благодатного покаяния. Благодатное покаяние есть внутреннее изменение всего жития: и телесного, и мысленного. Начальный момент покаяния есть рождение свыше в новую благодатную жизнь. Без этого рождения не бывает и новой жизни. Момент рождения и покаяния вводит в новую благодатную жизнь – в жизнь покаяния, очищается сердце и оживает для восприятия Евангелия, для восприятия новой, благодатной жизни. Евангелие есть благодатная, божественная жизнь, жизнь Божия чуда. Сердце, очищенное покаянием, воспринимает эту новую жизнь, воспринимает как чудо, живым чувством, реальным ощущением воспринимает «уповаемых вещей извещение», воспринимает благодатную жизнь веры. Ожившее сердце живет новым воздухом духовной жизни – воздухом покаяния.

---

² Мк. 1, 15.

Обманывает себя тот, кто живет плотолюбными вожделениями, пребывает в сласти плотолубия и думает, что пребывает в духовной жизни христианина. Это путь самообмана, путь, *льстящий в похотях плоти*.³ На нем не обитает Дух Божий. Это не путь Евангелия. На нем нет очищения от мертвящего греха, а потому и нет восприятия жизни духовной. Только на пути отрешения от плотолюбного жития, на пути покаяния душа обретает благодатную веру в живых чувствах сердца. В другом месте благодатная вера не приобретается. Живой верой сердца, то есть живым чувством, душа человеческая обретает духовную жизнь, духовное бытие и в нем утверждает свою временную значимость. В крайнем моменте времени, в точке земного бытия, определяет направленность своей воли для необъятной деятельности в вечности. В подвиге покаяния и живой опытной веры душа человеческая утверждает свое бытие в Божественном, входит в круг этого бытия и содействующей благодатью восприимлет обожение и соделовается Света причастницей и общницей Божества независтно (из Причастного канона).

Ибо верующему все возможно, – сказал Господь.⁴ И кто обрел сей путь и подвигом умной воли преодолел внешнее плотолюбное житие как соблазн, оградился верою от сего обольстительного «древа познания добра и зла» и свободно устремился внутреннейшей мыслью и чувством к внутреннему, сокровенному «умному деланию» покаяния, и, в труде внимая своему житию, непрестанно просит, трезвенно ищет едва приметный путь Божий, и смиренно стучится болезнующим сердцем в дверь милосердия, – тому ответят, он обретет, и ему отверзнутся двери сокровенных тайн Царствия Божия.

И сия сокровенная, духовная, внутренняя жизнь Божия обретается душами не внешними. И обретается деланием сокровенным, внутренним. А самое «делание» обретают немногие: лишь те, кто вступил на путь отрешения от владений невещественных, мысленных – от мечтаний и вожделений, и взыскал внимание к своим помыслам.

«Сии отрешенные принадлежат к чину христиан более внутреннему», – по слову преподобного Макария Великого (Слово 1-е. Гл. 9), принадлежат к иному роду христианскому. О них сказала Родоначалница этого рода – Пресвятая Дева, указуя на преподобного Серафима: «Сей – рода нашего».

Они и есть носители этого рода иного. Носители живой веры Божией – многодейственной, чудотворящей. Они – живые носители Живого Бога.

Они и есть верою прозревшие и опытно познавшие сокровенные тайны Царства Божия.

---

³ Ср. 2 Пет. 2, 10; Еф. 2, 3.

⁴ Ср. Мк. 9, 23.

Глава II

В христианском человечестве «верою прозревшим» было восточное иночество; им и хранились тайны Царствия Божия

Таким внутренним христианством, «верою прозревшим», было в историческом процессе восточное монашество, которое подвигом своей «умной воли» вступило на путь благодатной веры, опытно познало тайны Царствия Божия и с любовью поведало о том в своих богомудрых прикровенных Писаниях.

По неисповедимым судьбам Божиим восточное монашество в христианском человечестве было хранящим тайны Царствия Божия, было тем сосудом святости Божией, ковчегом Нового Завета, в коем хранилась «действенная благодать освящающего совершенства», – по выражению преподобного Макария Великого (Беседа 40-я). В монашестве хранилась благодать, освящающая и весь внешний мир. Господь Бог имел действенное соприкосновение с внешним миром через монашество. В этом ковчеге, как некогда в Израиле, хранилась тайна Нового Завета Бога с человеком. Чем был Израиль для нового человечества, тем было и монашество для христианского человечества.

Древний Израиль, как в ковчеге, хранил в себе тайну – обетование грядущего Бога-Спасителя.

Монашество хранило в себе ту же тайну, но не в обетовании, а в свершении. Обетование в монашестве оплодотворилось. Бог обетованный, грядущий уже пребывал в монашестве как Спаситель человечества. Тайна, сокрытая от веков и родов, открылась святым Его, пребывающим на пути монашества; и сия тайна – *Христос в нас*, по апостольскому слову.⁵ Эту тайну монашество опытно познало и хранило в светлых ликах своих святых.

Внешний мир христианский не вмещал этих тайн, опытно их не знал. Он внешне перед ними благоговел, а изнутри, в опытном переживании, они были для него неведомы. Христианство для него было Божественной притчей. Ибо внешний мир христианский был весь погружен своим умом и чувством в вещественное, в земное, в суетно-преходящее, в бытие языческое, непросветленное, потому и недоступны были для него внутренние тайны Царствия Божия.

Внешний мир христианский принадлежал по своему внутреннему устремлению к чадам века сего, которые женятся и замуж выходят,⁶ трудятся над продолжением тленного смертного бытия. Ему неведомо было иное бытие – вечное, бессмертное, Ангельское. Неведомо было «воскресение, бывающее здесь прежде общего воскресения», по выражению преподобного Симеона Нового Богослова.

Внешний мир христианский не сподобился, не потрудился усвоить внутреннюю тайну христианства, не потрудился достигнуть иного века и воскресения из мертвых, где *ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы на небеси*.⁷ Не потрудившись должным образом, он и не знал этих тайн, пребывал в бытии тленном, смертном, плотском. Ибо только трудники, нудящие себя, восхищают эти тайны, входят в Царствие этих тайн.

Таким трудником, восхитившим эти тайны, и было восточное монашество, которое опытно усвоило их и хранило в себе.

---

⁵ Ср. Кол. 1, 27.

⁶ См. Мф. 24, 38.

⁷ Ср.: Мф. 22, 30; Лк. 20, 35–36.

Монашество, отрешившись подвигом «умной воли» от внешнего и вещественного, отрешившись от труда, продолжения тленной, смертной бесконечности, отрешившись от «невещественных владений», от мечтаний и вожделений и устремившее свою духовную «умную природу» к воскресению и бытию в веке ином, и было тем «внутренним» христианством, «верою прозревшим», которому и открылось иное бытие – сокровенное, Божественное, скрывавшееся от веков и родов.

Монашество и было носителем живой веры в Живого Бога. Оно и творило этой верой жизнь христианскую в темных народах языческих. Оно озарило светом веры Христовой эти народы. Свет Христов был в монашестве, и Сам Христос действительно пребывал в нем. Потому и тянулась простая верующая народная душа в паломничество по монастырям и к старцам-инокам. Она живым чувством своего сердца ощущала там присутствие Живого Бога и не ошиблась: поистине, Бог был в монашестве, и там она соприкасалась с Ним и обрела Его в ликах святых иноков.

Через соприкосновение с монашеством внешний христианский мир просвещался и обретал действенную благодать, которая освящала его внешнее бытие и открывала путь к бытию внутреннему, духовному. Освящающая благодать Христова исходила на внешний мир только через иночество. Других путей освящения в Церкви Христовой не было, нет и не будет.

Всякая душа христианская, возжаждавшая благодатного изменения своего жития, получала его и будет получать только через иночество. Святые иноки являются носителями сей действенной благодати. В этом – тайна Церкви Христовой. И тайна сия – святое благодатное иночество.

В святых трудниках иночества восточного, которым даны эти тайны Царствия Божия, хранился и сокровенный «умный» путь к освящению, к обретению благодатной жизни и веры и к опытному усвоению этих тайн.

И первой благословенной Трудницей в новом человечестве, «умным» трудом Своим восхитившей сокровенную тайну нового бытия, была Преблагословенная Дева и Мать, Родоначальница иного рода, нового человечества, Родоначальница рода монашеского, Небесная Игуменья земного иночества. Она первая проложила этот путь к тайнам Царствия Божия и к нужному восхищению этих тайн. От Нее и пошло новое человечество: ангельское, божественное, небесное, иное – иноческое, устремленное к иному веку, к иному житию, к Воскресению нетления.

Это Она – Паломница дерзновенная —
Ночью бессветной,
В темных веках бездорожных
Дерзнула путь проложить
Кратчайший и непреложный —
К изначальной тайне Божией,
К святому нетлению.

Это Она – всех кротких и нищих, и скорбных, этих беспокойных искателей «умного бытия» внутреннего, бессмертного, божественного,

Любя, увела за Собой
К светлой вселенской заутрене
Дивного Воскресения,
И с тех пор вслед Ее ног,
Что с трепетом боли прошли
среди терний,

По чудесным следам, по Ее стопам,
Что пылают алмазами слез
И каплями алых рубинов, —
Текут вереницы узкой тропой...
А лица!
Их лица сияют нетленной
Ее красотой.
Идут... Все идут... Поспешают...
К славе нетления
Светлого дня Воскресения.

Глава III

Отличие западного монашества от восточного. В восточном монашестве сокрыты тайны конца

К этой славе Воскресения западное монашество устремилось другим путем – внешним, вещественным. Отсюда у западного монашества опыт иной, движение иное, отличное от восточного. У него – начала христианства, опыт галилейских полей и цветущих лилий (Франциск Ассизский и др.), и движение за Христом по плоскости этих полей (крестовые походы), динамическое устремление освобождать Святую Землю (внешнюю) от врагов христианства (внешних) и борьба с антихристом (внешним).

Это основные пути движения западного монашества и его деятельности. Они остаются для него существенными и ныне.

Западное монашество в своей юности со своей влюбленностью в историческом процессе духовного развития остановилось на внешнем, на поверхности; здесь оно и застыло. В западном монашестве потому и много действия на плоскости внешней, много динамичности, что оно пребывает в возрасте молодости, в свежести юных сил. Дальше своего юношеского возраста оно не развилось, да и не могло. Ибо западные народы по своей внутренней одаренности и развитию, по своему возрасту – народы юношеские, духовно незрелые. Западные народы по своему незрелому возрасту приняли тайну христианства хотя и сильно, и красиво, вплоть до «святой влюбленности», но восприняли внешне, извне. Внутренняя сущность была для них недоступна.

А красота Дщери Царевой была вся внутри, – говорит пророк.⁸ И эта внутренняя красота не была ими воспринята. Отсюда потом и родилась тоска по этой внутренней красоте, по горнему, выразившаяся в готике католических храмов. Искусство зодчества храмов не случайно, оно выражает собою внутреннюю тайну «строющего народа» – религиозного восприятия душой Бога.

Готика – это искание Бога в небесах. Готика – это устремление ввысь, тоска, это крик души, взыскующей внутреннего. Готика – это голод души, это тощие руки мольбы, простертые ввысь, к небесам, ищущие «там», чего нет «здесь», на земле. В этих чертах и отразилась существенная особенность религиозного опыта западных народов, западного монашества.

И совсем иной религиозный опыт восточного христианства, восточного монашества. Здесь нет устремления ввысь. Восточные храмы готики не знают: они крепко стоят на земле. Здесь небо от земли неотделимо. Здесь нет тоски по небу. И эти черты полностью выражают внутренний опыт Восточной Церкви, восточного монашества.

Здесь, на Востоке – обладание; там, на Западе – искание. Здесь – внутреннее пребывание в тайне с Богом, там – устремление ввысь, искание Бога в небесах. Здесь – отрицание «мира сего» и пребывание в мире горнем, «на Небеси». Там – утверждение «мира сего» и взыскание мира грядущего. Здесь – богоносная «умная молитва» и тихая радость обретения. Там – экзальтированная влюбленность, переходящая в тоску исканий устремленных.

Потому восточное монашество все «внутри», во внутреннем созерцании. И его возраст – возраст седых веков, оно – детище древних народов. Его возраст – возраст созерцания «конца».

И опыт православного монашества есть Божественный опыт «конца». Опыт конца тленного, внешнего, грешного бытия, опыт конца смертного образа человеческого.

---

⁸ Ср. Пс. 44, 14.

И светлый, величественный, потрясающий опыт начала иного бытия – богоносного, опыт выявления Бога, во Плоти пришедшего, опыт выявления бессмертного Богочеловеческого образа «неизреченной славы» – лика Христова в образе человеческом.

С тайной монашества восточного неразрывно связаны и конечные судьбы христианского человечества, судьбы всего мира. В монашестве, и только в восточном монашестве, православном, – последние времена и сроки, в нем сокрыта тайна «конца».

С исчезновением монашества исчезнет и христианство. С исчезновением христианства исчезнет и внешний мир – придет его конец.

Глава IV

Восточное монашество хранило в себе тайну начала нового бытия и конец старого

Мысль о конце грешного, тленного бытия, о конце мира – мысль древняя, пророческая. Еще в Ветхом Завете пророки Божии о ней вещали. Но она особым светом затрепетала в Новом Завете, в новом сознании христианского человечества.

Христос-Спаситель и словом, и Своим Божественным воплощением Своего вхождения в природу человеческую дал уразуметь о конце бытия грешного, смертного – о конце сего мира и о начале бытия нового, бессмертного. В святом Боговоплощении и скрыта тайна нового бытия, невещественного, и конец старого, вещественного.

Самый факт проявления Бога в природе человеческой весьма ярко свидетельствует о том, что сия природа получила начало иного бытия – нового, Божественного, о чем Церковь в своих сокровенных гимнах, малодоступных непросвещенному сознанию, ликующе поет: «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития, вечного начало».

С приходом христианства в мир вошло начало этого бытия, начало вечного. Христианство – религия торжества: вечного над временным, бессмертного над смертным, нетленного над тленным.

Христианство – религия Воскресения. В христианстве старое, тленное бытие упраздняется, ад разрушается, умирает ветхий, тленный человек с его ветхим, тленным миром,⁹ – и оживает человек новый, нетленный, бессмертный, человек Воскресения, живущий «на Небеси».

В истинном христианстве – миру конец. В христианстве смертный человеческий род прекращается и выявляется род иной – ангельский, тем самым вступивший на путь христианства, тем самым вступивший на путь прекращения смертного человеческого рода. Только тот христианин продолжает род, который не домысливает христианства по своему малодумию, ибо по своему плотскому житию *не вмещает его тайны*.¹⁰

Тайна христианства велика; потому и продолжается смертный род человеческий, что не может он вместить ее в сосуд своего духовного развития, не может вместить тайны бессмертия Христова. И не многие вмещают эту тайну. Одни вмещают ее от рождения, другие – от должной меры развития духовного сознания. И в них смертный род прекращается: они являются носителями иного рода, бессмертного. В них открывается и начало иного жития – вечного.

И носителями этого иного, вечного были в человечестве святые иноки и святые избранники Божии – апостолы, возродившиеся от Духа Божия. Они первые опытно познали это начало нового жития, божественного, вневременного, потому о бытии во времени, о мире, во зле лежащем, изрекли пророческое слово: *Дети! последнее время... мир проходит, и похоть его*.¹¹

И с тех пор, как появилось новое христианское сознание, новое ощущение новой жизни, – просветленная мысль о конце старого сознания, о конце мира преходящего весьма ярко засветилась над человечеством особым небесным светом. Этим светом ярко озарилось первое христианство, опытно познавшее живым чувством сердца новое, иное. И отношение к старому было выразительное, острое, непримиримое; в сознании и чувстве просветленном ветхий мир умирал, образ его исчезал и уходил в небытие.

---

⁹ См. Рим. 6, 6.

¹⁰ Ср. Мф. 19, 12.

¹¹ 1 Ин. 2, 18, 17.

Это живое, острое чувство нового христианского сознания о конце мира, нового отношения к миру, сильно и выразительно звучит в словах святого апостола, который писал: *Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего.*¹²

Какое величественно-просветленное понятие о мире сем звучит в этих словах святого апостола! Мир сей – это только образ, и притом преходящий; только тень, но не самый предмет. Какое глубокое и одухотворенное понятие, совершенно не свойственное бытию плотскому. И какое живое и острое ощущение «мира сего» как тени, как образа преходящего, – это благодаря просветленному, благодатному прозрению и ощущению живым чувством сердца того вечного, нового, непреходящего бытия, которое отбрасывает эту преходящую тень.

Восприняв и ощутив вечное как новую жизнь, святые и сказали о мире сем, что он только образ мира невидимого и образ преходящий. Но это острое и живое ощущение новой жизни не было воспринято христианами народами; оно нашло себе приют только в одиноких келиях отшельников и подвижников христианства. Эти одинокие и были носителями нового, иного, богочеловеческого бытия. Они шли путем веры Христовой и сей верой опытно познавали тайны Христовы, тайны Царствия Божия, познавали дивные чудеса дивного Бога, и Бог в них был воистину дивен. А внешнее христианство «обмирщилось», «оязычилось», приспособилось к миру сему и жило его жизнью – плотской, вещественной, плотолюбивой. Новое бытие явилось достоянием только одиноких.

Небесный свет о дивных чудесах дивного Бога, свет о новом бытии и о конце старого, свет, озаривший темное бытие мира, с первых дней христианства и до последнего времени исходил от этих одиноких избранников Божиих, от иноков; исходил из пустынных монашеских келий, где совершалось в лаборатории духа великое тайнодействие: жительство «на земли» претворялось в жительство «на небеси»; темное, дебелое вещество одухотворялось и сияло неземными лучами; грешная телесность претворялась в святую плоть; вода многих покаянных слез – в вино веселия вечного, земной человек – в небесного ангела.

Там, в огне внутренних борений и тайного келейного плача падение духа человеческого в вещественность, его овеществление изменялось, преображалось действием Божественным. Падший дух человеческий, превратившийся в плоть и пресмыкающийся в прахе ее похотствований, освобождался от власти похоти плоти, окрылялся благодатным вдохновением и воспарял от земли в горня, где и озарялся лучами «незаходимого Солнца», светился Его Светом, превращался в свет: *Вы – свет мира.*¹³

И тленная, темная плоть – вечная подруга духа и рабыня страстей, увидев преображенный и светлый лик своего бестелесного руководителя – умного духа, и сама преображалась от его света, становилась прозрачной, нетленной и светила неземными лучами.

И земной человек превращается в небесного ангела: омраченное создание сияло лучами «незакатного Солнца». Из огня борений и плача выявилось новое бытие, вечное, нетленное; раскрывались тайны Царствия Божия здесь, на земле, в светлых ликах нового творения, в ликах святых.

К этой светлой вселенской заутрене
дивного Воскресения,
К этому светлому преображению
творения,

---

¹² 1 Кор. 7, 29–31.

¹³ Мф. 5, 14.

К раскрытию тайн Царства Божия на земле...

Путь был дан и указан (*Я есмь путь*, – сказал Господь¹⁴), и возможность полная была дана в таинстве Бога, облекшегося в наше естество. Но человечество, воспринявшее христианство внешне, поверхностно, восприняло его как религию обновленной морали, но не как религию чуда, не как религию Воскресения и действительного выявления нового необычного, иного бытия.

И тем самым изрекло над собой приговор своего конца. Предав своего Бога-Спасителя – свою жизнь Божественную – на распятие (ибо жизнь христианского человечества в веках есть распятие Бога), оно тем самым обрекло себя на духовную катастрофу, вслед за которой неизбежна катастрофа и физическая.

Сроки, данные человечеству для восприятия жизни Божественной, истекают. Данная возможность своего изменения, преображения отвергнута. Воля человеческая окончательно определяется и проявляет себя к Богу и ко всему Божественному отрицательно, злобно, с неистовой ненавистью. Этим самым ускоряется приближение конца, окончательной катастрофы.

Самым существенным признаком надвинувшегося конца служит разрушение очагов света, озарявшего темную землю, разрушение келий и монастырей, уничтожение монашества. Последние «умные лучи» этого келейного света, блеснувшие над темной землей из последних благодатных монашеских келий, – это преподобные Паисий Величковский, Серафим Саровский, святитель Игнатий Брянчанинов, Оптинские старцы, святой отец Иоанн Кронштадтский и другие, – озарили грустную землю уже особым трепетным светом: тихим, вечерним, закатным светом – светом конца.

В этом свете хотя и чувствовалась небесная улыбка, но в лучах его трепетала и тайная скорбь последних времен – скорбь за грешный, непреображенный мир, идущий к своему грозному неотвратимому концу. В этой светлой скорби последних святых и почувствовался закат монашества, а с ним закат и христианства, почувствовался конец мира.

В этой тайной скорби святых мы увидим тихий свет неземных лучей, кротко блеснувших над землей и возвестивших нам надвинувшийся вечер земли, вечер христианского человечества. Это были последние лучи закатного света христианства перед грядущим утром нового дня, к которому мы и приблизились.

Ныне же нас покрыла темная ночь. Мы вошли в мрачную ночную эпоху. И путь наш – без луны и без звезд. Путь наш – во мраке. И дойдем ли мы, одинокие и сиротливые, до врат нового «умного бытия»?

Озарят ли нас лучи «незакатного Солнца»? Переплывем ли мы, слабые и бессильные, это темное море страстей? Увидим ли радостный берег «новой земли»?¹⁵ И на чем переплывем, когда апостольский корабль разбит?

Хотя сам апостол, просветитель языков, плывший на корабле со спутниками своими, и спасся, но только на обломках от корабля.¹⁶

И это для нас, немощных и колеблющихся, – сокровенный «образ знамения», бодрящий и спасительный, охраняющий нас от возможного уныния, малодушия и отчаяния. Крепко держась за «обломки», и мы спасемся, по слову апостольскому, и будем выброшены из зыбкой пучины на твердый берег: из бытия плотского, гибнущего, грешного – в бытие новое, «умное», божественное.

---

¹⁴ Ин. 14, 4.

¹⁵ См. Откр. 21, 1.

¹⁶ См. Деян. 27, 41–44.

Глава V

Современное восточное монашество утерюло тайну нового бытия, которая скрывалась в «умном делании». Этим оно приблизило конец. Исчезновение монашества и «овеществление духа» – признаки конца. Благодатных наставников нет, и остаток христиан должен спастись Писаниями отцов и молитвенными слезами

«Обломками» от апостольского корабля для нас служат Писания отцов и их спасительный плач. На этих «обломках» и будем спастись и входить в новое бытие, духовное, разумное. Ибо старое бытие – вещественное, плотское – гибнет, разрушается. Оно и есть тот «песок», о котором Спаситель сказал, что «не устоит дом, построенный на песке».¹⁷ Не устоит и всякая душа, созидающая себя «на песке» земных вожделений и плотолюбия, «на песке» внешнего благочестия, разрушится. Писания отцов и покаянный плач перед Богом есть та единственная спасительная основа, на которой может устоять дом души от разрушения.

Живого, благодатного руководства для нас не стало, оно исчезло. Да и книги спасительные исчезают по намеченному плану, по системе. Живое руководство было в монашестве, в опытных тружениках «умного делания». Но само монашество оскудело изнутри повсеместно, оскудело «умным деланием», утерюло тайну нового бытия. Потому оскудело и руководителями. Оскудение произошло давно и произошло незаметно.

Еще в XIV веке преподобный Григорий Синаит жаловался, что он обошел всю Гору Афонскую и между тысячами иноков нашел только три сосуда благодати, которые имели некоторое понятие об «умном делании» (см. святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. II). А наш благословенный святитель Игнатий Брянчанинов сто лет тому назад писал, что «ныне они так редки, что можно безошибочно сказать: их нет».

«И за особеннейшую милость Божию признается, если кто, истомившись душою и телом в монашеском жителъстве, к концу этого жителъства неожиданно найдет где-либо в глуши сосуд, избранный нелицеприятным Богом, униженный перед очами человеков, возвеличенный и превознесенный Богом. Так, Зосима нашел в Заиорданской безлюдной пустыне, сверх всякого чаяния, великую Марию. По такому конечному оскудению в духоносных наставниках отеческие книги составляют единственный источник, к которому может обратиться томимая голодом и жаждой душа для приобретения существенно «нужных познаний в подвиге духовном»» (см. святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. II).

Монастыри, эти хранители «умного света», разрушились, потому что само монашество разрушило основу монастырей – оставило «умное делание». Оставление «умного делания» и увлечение монастырей в последние времена стяжанием внешнего довольства и славы, увлечение внешним благочинием и пышностью было тяжким грехом и дерзким нарушением данных монашеством обетов. Долготерпение Божие не потерпело попираателей обетов и предало их грозному суду: монастыри разрушены, и монашество упразднено.

Призвание монашества заключалось не в том, чтобы только носить черную одежду отречения, а жить по-мирски, отделившись от внешнего мира, в монастырях. Путем такого внеш-

---

¹⁷ См. Мф. 7, 26–27.

него, искаженного монашества многие шли, не разумея «умного», сокровенного смысла истинного Божия иночества.

Любившие мирскую жизнь под монашеской одеждой были внешним монашеством. Такому внешнему монашеству не было благословения от Господа Бога.

Новый Адам – Богочеловек, Господь Спаситель – был родоначальником нового, иного человечества, и монашество призвано было быть живым носителем этого иного, нового богочеловечества. А для этого ему был указан благодатно-действенный «умный путь» – отрешение «умной» души от мысленных одежд мира сего: от помыслов, мечтаний и вожделений плоти, – и удаление в иноческую обитель, в иное обитание, удаление в иное житие – невещественное, духовное, ангельское, в житие «умное».

С утратой сего «умного жития» монашество утратило право перед Богом на существование. «Умное житие» было корнями духовного бытия монашества, было его душой. Когда корни были подрезаны, – и древо монашества увяло, умерло. С потерей внутреннего недолго продержалось и внешнее; разлетелось как прах, возметаемый ветром.

Эта катастрофа, постигшая монашество, была видна уже давно, но не всем; видели ее только некоторые иноки, духовно прозревшие. Ясно ее видел благодатный святитель Игнатий, писавший еще в свое время о сем такими словами: «Монашество доживает в России и даже повсюду данный ему срок. В современном монашестве потеряно правильное понятие об «умном делании». А без «умного делания» монашество есть тело без души. Посему и восстановления монашества не ожидаю».

Теперь и мы увидели исполнение этих богодухновенных грозных строк пророческих. Монастыри, как основа Православной Руси, кончились; а с ними и монашество, как основа и душа православного христианства, тоже кончилось, дожило свой век и исчезло. Не стало в монашестве «умного делания», не стало и самого монашества, которое было Богом призвано для этого священного делания. А с исчезновением монашества как живого носителя духовного бытия человечества в христианском мире проявились грозные признаки конца мира, признаки его неизбежной катастрофы, его окончательного распада, разложения. Ибо монашество было той «солью», которая его сдерживала от окончательного гниения.¹⁸ Когда же сама «соль» потеряла силу, – миру пришел конец. *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный.*¹⁹

Человеческий мир духовно оскудел, состарился, уже не может дать тех, которые вмещали бы и вынашивали его тайну. А тайна мира есть тайна христианства, тайна Христова. Мир существовал ради сей тайны. С исчезновением носителей сей тайны исчезнет и сам мир. Носителями сей тайны были святые иноки. Иночество держало и мир.

Когда же человеческий мир духовно оскудел, овеществился, дух человеческий окончательно превратился в плоть, в материю и больше не может дать духовного материала, пригодного для бытия «умного», невещественного, божественного. Дальнейшее существование вещественного, плотского мира не имеет смысла, ему должен быть конец. Ибо материал – человеческая и материальная среда, человечество, – существуют только для развития духа человеческого, существуют до момента его окончательного самоопределения в сторону добра или зла, в сторону светлой духовности или темного, плотского овеществления.

---

¹⁸ См. Мф. 5, 13.

¹⁹ Пс. 11, 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.